

© 2019

Юрий Князев

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН
(e-mail: kyuk151@rambler.ru)

О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В статье исследуются процессы усиления роли государства в современном обществе, его традиционные и современные функции. Раскрывается значение государства как регулятора экономического развития. Рассматриваются мнения современных авторов об особенностях социального государства и перспективах эволюции капиталистического общества.

Ключевые слова: классовое государство, экономическая природа государства, классические и современные функции, особенности социального государства.

DOI: 10.31857/S020736760004131-3

Государство возникло как политическая надстройка над общественно-экономическим базисом, предназначенная для охраны существующих порядков, а именно — для защиты интересов господствующих в обществе сил (не важно, как они называются — классами, социальными слоями или просто правящими элитами). Классовая природа государства в марксистском понимании сохраняется до сих пор, и ее не могут изменить современные модели социального, общенародного и иного внеклассового толка, включая наиболее привлекательные образцы государства всеобщего благоденствия и безупречной демократии.

Нынешний мир живет в эпоху господства капитализма, и современные государства защищают капиталистические порядки. Они не могут изменить свою сущность, пока сохраняется капиталистический строй. Необходимо исходить из того, что Россия — это тоже капиталистическая страна, и бессмысленно ожидать, что существующее в ней государство может быть чем-то иным. И дело не в специфике России, ее политического строя. Современный мир базируется на капиталистическом общественном устройстве, и пока, если не впадать в субъективизм, по существу не просматривается реальной перспективы принципиального изменения ситуации. И этот само собой разумеющийся факт опровергает как предположение утопистов о договорной природе государства (вряд ли все общество добровольно согласилось бы на самодержавное правление), так и современные учения о его патерналистском характере (ибо трудно воспринимать нынешнюю своекорыстную бюрократию как доброго справедливого отца народа). Государство хотя и может маневрировать, но в конечном счете стоит на защите в первую очередь интересов экономико-политических господствующих сил. Государство практически в любых ситуациях реализует прежде всего интересы власть имущих, являющихся одновременно крупными собственниками, охраняя и умножая их богатство. И мы видим, как в кризис государство спасает крупные банки и корпорации, проводит их докапитализацию из

бюджетных средств, дает им налоговые послабления, одновременно усиливая поборы с граждан косвенными налогами и всевозможными дополнительными поборами. Разумеется, в обществе могут протекать и противоборствующие процессы, и, если они достаточно действенны, государству приходится с ними считаться.

Но значит ли это, что государство совсем не заботится о благополучии всей страны? Конечно нет, и в этом проявляется диалектическая противоречивость государства, вынужденного в той или иной степени реализовывать интересы других социальных групп, полагая, что в противном случае вполне вероятно восстание общества против государственной власти. Логика здесь та же, что и в случае с предпринимателями, которые заботятся исключительно о получении прибыли от своего бизнеса, но для этого должны производить товары и оказывать услуги, удовлетворяя попутно спрос потребителей, о которых они сразу же забывают, если можно заработать, например, финансовыми и иными спекуляциями. Так же и государство изначально заботится о защите существующих порядков в интересах правящей элиты и обслуживающей ее бюрократии, но вынуждено ради этого заниматься сохранением и даже развитием экономики страны, чтобы избежать изменения государственного строя.

При рассмотрении *экономической* природы государства необходимо исходить из того, что функции государства в области экономики возникли, множились и укреплялись параллельно с его другими внешними и внутренними функциями и были средством материального обеспечения последних. И властям эти функции, как показывает исторический опыт, были нужны прежде всего для них самих, для защиты себя от разных угроз и для выполнения задач, ставившихся по воле и прихоти правителей. Защита интересов страны и ее населения оказывалась чаще всего побочным продуктом волюнтаристских акций государственной власти. Действуя субъективно и в своих интересах, правящая элита вынуждена в то же время отвечать на объективные вызовы, перед которыми оказывалась страна, и тем самым защищать и ее интересы. Это обстоятельство широко используется властью для пропаганды своей общественной важности особенно с тех пор, как утвердилась практика всеобщих выборов, усилившая склонность политиков к популизму.

При выполнении своих экономических функций власть неизбежно совершает ошибки, иногда очень серьезные, называемые по аналогии с провалами рынка провалами государства. Последние в отличие от объективных изъятий рынка носят сугубо субъективный характер и поэтому могут иметь даже более разрушительные последствия. Большая часть этих провалов вызваны опять-таки тем, что государство заботится преимущественно об интересах элиты, а не страны в целом. Как советское государство страдало от провалов, порождавшихся однопартийной идеологией, так и наше капиталистическое государство не свободно от провалов, связанных, например, с дефицитом справедливости. Каждое конкретное государство страдает собственными недостатками из-за своей своекорыстной идеологической и политической ангажированности.

Шведский и иные «социализмы» лишь частично смягчают несправедливость капитализма благодаря тому, что там общенародные интересы разными путями пробивают себе доступ к власти, но это не отменяет эксплуататорскую природу этого общества. Тем не менее в передовых странах экономическая роль государства стала более разносторонней, так как оно имеет дело со смешанной экономикой, представляющей собой синтез рынка и социального регулирования. Такое государство как субъективная сила призвано, во-первых, регулировать объективно протекающие рыночные процессы, реагируя на неизбежные эксцессы, и, во-вторых, направлять экономическое развитие в целом, в том числе и рыночные процессы, хотя бы частично в интересах всего общества, а не только господствующих социальных групп.

Капиталистическое государство в передовых странах больше стало заниматься проблемами не только господствующей «элиты», но и всего населения, сознавая, что в случае деградации экономики страны неизбежна смена элит.

Но и современное государство в развитых странах, несмотря на созданную систему более справедливого перераспределения национального дохода с помощью прогрессивного налогообложения и проявляемую им заботу о развитии социальной сферы, сохраняет классовый характер, обеспечивая политическое и экономическое господство «элиты».

Демократической оппозиции во всех странах можно и нужно изыскивать возможности проведения в стране курса на социальную справедливость с использованием различных форм давления на элиту и ее государственный механизм. При должной активности общества можно добиваться большего учета интересов уязвимых социальных групп и общественных интересов в целом, сознавая в то же время, что возможные сдвиги в этом направлении объективно ограничены существующей общественной системой. Тем не менее общество может добиваться в той или иной степени социального прогресса на пути демократизации государственного устройства. На наш взгляд, ситуация в мире такова, что социальный прогресс в перспективе непреодолим. Механизм капиталистической экономики заметно эволюционирует. Расширяется социальное регулирование рыночных отношений, укрепляются элементы научного целеполагания и народнохозяйственного регулирования.

Это особенно необходимо нашей стране, вынужденной вновь выходить из отсталости, пытаясь создать здоровую экономику. Отмечу, что такой путь не может полностью заблокировать сохраняющиеся в своей основе капиталистические общественные отношения, даже если Россия будет следовать современным прогрессивным тенденциям эволюции капитализма.

Итак, идеального государства не бывает. Наше капиталистическое государство, провозглашенное Конституцией социальным, остается по сути классовым со всеми его изъянами. В то же время объективная необходимость ставит перед государством, помимо его основной функции — защиты интересов правящей элиты, еще и задачи обеспечения ради самосохранения ускоренного экономического роста и хотя бы минимального

благополучия граждан. И нашему гражданскому обществу, помимо утверждения зачатков самоуправления, что конечно же важно, необходимо также добиваться от государства всеми законными средствами выполнения именно этих задач.

Изучая современное социальное государство и видя особенности его поведения, отличающие его от классической модели, некоторые авторы усматривают в нем качественно новые черты и пытаются дать им научное объяснение.

А. Колганов полагает, что государство не только регулирует сферу частных капиталов, но и является агентом всего общественного капитала. Тем самым оно защищает интересы всего общества, а не только капиталистов. Это значит, что модифицируются сами капиталистические производственные отношения, «превращаясь в свою противоположность». Данный общественно-экономический строй находится в кризисе, который тем не менее не является абсолютным и смертельно опасным, считает этот экономист¹.

Усиление социальной функции современного государства очевидно, но означает ли это модификацию производственных отношений? Государственные органы действительно в значительной мере финансируют сферы здравоохранения, образования, науки и оказывают поддержку особо нуждающимся гражданам, но они при этом не вторгаются в производственные отношения. И капитал государственных корпораций функционирует по общим правилам полурыночной, полукриминальной экономики и не продуцирует какие-то новые, особые отношения в процессе производства.

Выделить зачатки нового строя в меняющейся под воздействием научно-технического прогресса организации производительных сил довольно сложно. Но даже если они и есть, в России это пока не влечет за собой позитивных изменений в существующих общественных, в том числе производственных, отношениях, которые, наоборот, противодействуют прогрессивным сдвигам в экономике, ибо изначально предназначены для консервации системы.

А. Бузгалин справедливо считает, что «в рамках системы отношений тотального рынка и гегемонии финансового корпоративного капитала такое изменение может быть только частичным, неполным и противоречивым». Но он вынужден тут же уточнить, что «даже такое реформирование хотя и возможно, но маловероятно, ибо реформы должны быть глубокими, требующими значительного перераспределения экономико-политической власти и богатства от корпоративного капитала к обществу»².

Весь вопрос, однако, в том, действительно ли возможно реформирование производственных отношений под воздействием изменившихся производительных сил. В советское время тоже считалось, что «взаимоотношения» между двумя составляющими способа производства — производительными силами и производственными отношениями — не

¹ Колганов А.М. Выступление на научной конференции «Экономическая природа и модели государства: вопросы методологии» в Московской школе экономики МГУ 15 мая 2018 г.

² Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 136.

ограничиваются моментами смены формаций, а распространяются также на периоды до и после этих поворотных событий. Более того, диалектика их взаимодействия понималась и как обратное воздействие производственных отношений на производительные силы в плане содействия развитию последних на новой основе. Этот вопрос в таком ракурсе не рассматривался классиками марксизма, которые считали действие закона соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил только в качестве объективной причины и механизма смены общественно-экономических формаций.

Постановка вопроса о якобы начавшемся в XX веке процессе «частичного привнесения в систему производственных отношений позднего капитализма ростков, элементов, переходных форм *пострыночных* и *посткапиталистических отношений*»³ выглядит привлекательной хотя бы потому, что допускает возможность не революционного, а эволюционного перехода от капитализма к новому строю путем постепенных бескровных реформ. Такая возможность в принципе допускалась в марксистской теории, но в качестве исключения из правил, когда прежние господствующие силы поймут бесперспективность сопротивления и мирно отдадут власть. Но в любом случае качественное изменение общественной системы неизбежно путем смены формаций, когда более зрелые производительные силы окончательно освобождаются от прежних производственных отношений, которые заменяются принципиально новыми, открывая эпоху бурного развития производства уже на иной основе.

Принимая за основу общественного развития объективные закономерности, нельзя в то же время игнорировать действия субъективных сил, от которых также многое зависит. Именно благодаря определенному соотношению позиций и влияния различных слоев властных элит сложились в передовых станах Европы условия для изменения функциональных способностей государства, объявившего себя социальным. Правда, позитивные изменения затронули только политическую надстройку при сохранении в основном неизменными производственных отношений. Вероятно, возможны и некоторые подвижки в базисе общества под воздействием прогресса производительных сил, но господствующие производственные отношения будут подавлять ростки нового до тех пор, пока не произойдет слом прежней системы, который не обязательно должен сопровождаться насильственной революцией. Из истории мы знаем о кровавых буржуазных революциях в Англии и Франции, но в других странах переход к новому строю оказался более мирным. И происходило это не без влияния сил в элитной среде, осознавших бессмысленность сопротивления новому.

Хотелось бы в этой связи высказать определенное возражение ставшему модным тезису о решающей роли творческого труда в будущем переходе к новому строю. При всем уважении к человеческому капиталу и творческим людям нельзя отрицать, что стремление к подлинному

³Там же. С. 137.

творчеству присуще не всем, а лишь наиболее креативному меньшинству. Считается, что труд в посткапиталистическом обществе в отличие от нынешнего добровольно-принудительного (когда наемные работники добровольно принимают решение о продаже своей рабочей силы предпринимателю, а затем принудительно работают по навязанным им правилам) станет полностью добровольным, любимым делом, не зависящим от необходимости зарабатывать на жизнь. Освободившееся время люди смогут использовать по своему разумению и не обязательно на придумывание чего-то нового, хотя этого тоже нельзя исключать. Главное, чтобы труд перестал быть подневольным и человек полностью раскрепостился и раскрыл все свои позитивные способности, а будут ли они у всех работников творческими или какими-то иными, рутинными — это для нового общества материального изобилия не столь важно.

Позитивную роль субъективных сил подмечают многие исследователи. В. Полтерович считает, что современное государство претерпевает эволюцию в способах управления — от применения насилия к большему сотрудничеству с другими субъектами общества. Защита интересов господствующего класса становится менее людоедской и более кооперационной. Это происходит в силу того, что современному государству приходится больше заниматься креативом, созданием нового, а не только охранительством старого, не только защитой эгоистических интересов элиты. По его мнению, государственная власть в ходе мировой конкуренции осознает важность общественных интересов, которые требуют искать ответы на общемировые вызовы и угрозы собственной стране⁴.

Сейчас по-новому воспринимаются экономические и социальные функции современного государства, действующего в эпоху глобализации. Налицо углубляющееся противоречие между чисто экономическими и социально-политическими последствиями глобализации для разных стран. Экономические выгоды для всего мира от углубления международного разделения труда, развития производственной специализации и кооперирования оборачиваются потерями для многих государств, не сумевших вписаться в глобальную систему торгово-экономических связей и испытывающих трудности производственного и даже политического плана в связи с ростом неравенства и возникновением социальных конфликтов. Поэтому они все чаще прибегают к протекционизму во внешней торговле и ищут другие пути нейтрализации негативных эффектов глобализма.

На важность социальных функций современных государств по сравнению с их классическими функциями указывает С. Рогов, отмечая, что на их выполнение расходуетя основная часть государственных бюджетов. Соглашаясь с этим очевидным фактом, хотелось бы со своей стороны уточнить, что социальные функции не ограничиваются поддержанием минимума справедливости и развитием социальной сферы в широком смысле, но все больше нацелены на развитие экономического

⁴ Полтерович В.М. Выступление на научной конференции «Экономическая природа и модели государства: вопросы методологии» в Московской школе экономики МГУ 15 мая 2018 г.

потенциала стран, являющегося тоже общественным благом, которое необходимо сохранять и наращивать, чтобы не потерпеть поражение в межстрановой конкурентной борьбе.

Все чаще встает вопрос о формировании «новой модели социального государства, отвечающего современным технологическим, демографическим и социальным реалиям»⁵. Необходимость этого В. Мау связывает с кризисом традиционных государственных систем здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, регулирования рынка труда, в которых «пока не удастся найти баланс эффективности, надежности и финансовой приемлемости»⁶. Поскольку решить возникающие здесь проблемы невозможно чисто фискальными средствами, необходимо искать пути комплексного подхода к реформированию всей системы государственного управления социальной сферой, считает цитируемый автор.

Здесь мы подошли к необходимости ответить на возникающий у читателей принципиальный вопрос о том, выполняет ли государство на протяжении всей его истории только миссию защитника властной элиты и охраняемого ею строя, или же оно также работает в интересах всего общества, и чем вызвано очевидное усиление его роли в экономике и социальной сфере, которое невозможно объяснить только его классовой природой. Выше уже говорилось о неизбежной необходимости для государства заботиться о сохранении и развитии собственной страны, в чем кровно заинтересована любая власть ради самосохранения. Но этим общественная роль государства не исчерпывается. Сама эволюция системы жизнедеятельности людей потребовала все большего вмешательства государства в экономику вопреки стремлению теоретиков либерального толка минимизировать его хозяйственную роль.

Об этом говорили многие ученые и все чаще вынуждены писать современные авторы при объяснении практической роли государства: «Государство решает три основные экономические задачи: способствует повышению эффективности, обеспечению справедливости и макроэкономической стабильности и осуществлению экономического роста»⁷. В более широком, политэкономическом понимании формулирует эту проблему М. Воейков: «К сегодняшнему дню накопилось много фактов радикальной трансформации современного капиталистического общества: государство начинает выполнять ключевую роль в экономической системе, что существенно меняет само понимание этой системы. Экономика — это уже не только рыночный обмен между индивидами, это процедура сложного согласования индивидуальных и общественных экономических интересов и поиска наиболее эффективных путей приращения общественной полезности. Современное государство, вторгшись в экономическое регулирование, глубоко погрузилось в экономи-

⁵ Мау В.А. На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017-2019 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 10.

⁶ Там же.

⁷ Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика // М.: Издательский дом «Вильямс». 2005. С. 54.

ку и само превращается в экономическую категорию. Это ведет к трансформации нашего понимания и политической экономии»⁸.

Автор процитированной статьи считает, что «основная объективная причина современного роста государства состоит в развитии более сложного производства и усложнении технологий, в переходе к новому технологическому укладу, что отражается в трансформации экономической организации общества»⁹. В принципе, любое новшество в общественной жизни можно объяснять усложнением либо производства, либо самого общества. Проникновение же государства в стихию рыночных отношений объясняется, на наш взгляд, вполне конкретной причиной, прямо не связанной с любыми усложнениями.

Дело в том, что рынок по своей природе руководствуется исключительно краткосрочными критериями эффективности, которые, кстати, нарушаются наиболее предусмотрительными и смелыми предпринимателями, рассчитывающими не на сиюминутный успех, а на больший выигрыш в будущем. Они действуют вопреки рыночной логике извлечения немедленной выгоды, которая уравнивает, приводит к общему знаменателю хаотичные действия участников хозяйственной жизни на данный момент, но не гарантирует их благополучие в длительной перспективе и не спасает от периодических кризисов перепроизводства и финансовых неурядиц. Любой нерегулируемый рынок со свободной конкуренцией неизбежно приводит к росту монополизма и к разрушительным кризисам именно потому, что он толкает действующих на нем субъектов на получение краткосрочной выгоды без учета того, что может произойти в недалеком будущем по объективным причинам или в результате действий субъективных факторов (не важно, с каким знаком окажется результат — негативным или позитивным).

Государство же стремится устранить провалы рынка и по возможности не допустить их в будущем исходя из иной логики, основанной на долгосрочных критериях эффективности. Именно это, скорее всего, имеет в виду Воейков, считая, что с помощью государства рыночный процесс максимизации прибыли заменяется процессом максимизации общественной полезности. Но, если получение прибыли вполне осязаемо и имеет денежное выражение, то общественная полезность трудно измерима и подвержена разной трактовке. Поэтому государству необходимо постоянно соизмерять рыночную и общественную эффективность, с тем чтобы собственные действия не превращались в волюнтаризм, а обосновывались научными доводами или обычным здравым смыслом. Именно поэтому следует на практике соблюдать баланс между рынком и государственным регулированием, а в теории не допускать крайних суждений вроде «государственная политика заменяет рынок, вытесняет его»¹⁰. На самом же деле государство не подменяет рынок, а исправляет недостатки его краткосрочных критериев.

⁸ Воейков М.И. Государство и рынок: новая политико-экономическая парадигма // Экономическое возрождение России. 2018. № 2 (56). С 80.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 82.

Разумное государство при осуществлении своей регулирующей роли в экономике должно исходить из объективно существующей среды, на которую оно может воздействовать, но не отвергать ее или заменять раньше, чем исчерпают себя объективные условия ее существования. Исторический опыт показывает, что можно вообще отказаться от рынка, как это было в условиях «реального» социализма в СССР, но это, как известно, закончилось провалом, так как не соответствовало уровню развития производительных сил, нуждавшихся в товарно-денежных отношениях.

Осознавая социальные пороки капитализма, отсутствие в нем всеобщей справедливости и неизбежность в рыночной экономике материальных и духовных потерь вследствие действия принципа краткосрочной эффективности, нельзя поддаваться соблазну «исторического забегания вперед» (такую оценку дал А. Бутенко советскому социализму). А именно такой соблазн просматривается в утверждении, что «затраты и результаты деятельности могут выражаться не только в деньгах, но и в экономии времени, усилий, в достижении благополучия, т.е. в приращении общественной полезности»¹¹. Во-первых, на экономию времени и труда непосредственно направлен и закон стоимости. А во-вторых, приращение общественной полезности и достижение благополучия имеют место и при капитализме в меру его системной эффективности. Но для большего необходимо перейти к иной общественно-экономической системе, что возможно только при изменении самого характера труда в условиях его полной автоматизации и роботизации, когда не только наука станет непосредственной производительной силой, но и сама привычная нам экономика станет системой, принципиальным отличием которой будет «отсутствие отношений между людьми в процессе материального производства»¹².

В этом случае, возможно, исчезнет и политическая экономия в нынешнем ее понимании. Пока же стоит задача развития экономической теории, чтобы она стала адекватной современным реалиям жизни, условиям нынешней капиталистической системы, которая характеризуется не только рыночными отношениями, но и активной и все возрастающей ролью государства, встроенного в хозяйственную ткань общества. А это значит, что само понимание многих экономических категорий и законов должно быть адаптировано к этой реальности. Это касается трансформации понятий стоимости и денег, частной и общественной собственности, социальной структуры общества и фундаментального принципа рыночной экономики – методологического индивидуализма, явно нуждающегося в дополнении принципом коллективизма, без которого невозможно понять и объяснить ни деятельность государства, ни остальные механизмы функционирования современного человеческого общества.

¹¹ Там же. С 83.

¹² Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России. 2018. № 2 (56). С. 10.